

МИКАЭЛЬ ЧИКАТУЕВ

К ЧАБАНАМ ПРИХОЖУ Я...

Не могу о себе говорить я:

«Поэт!»

И когда меня так называют,— молчу и теряюсь.
И туда, где об этом

никто не заводит бесед,
часто с палкой кизиловой я отправляюсь.
К чабанам прихожу я, как будто и сам я чабан,
И к табунщикам,— в добрую дружбу их веря.
И ведем мы беседу про горы, луга и туман
где-нибудь у костра, в полутемной и тихой пещере.
Ухожу я к горам,

к ослепительным их ледникам.

Горы встретят меня с уважением,
Как могут лишь горцы.
К родникам заверну, к их чистейшим пескам,
голышкам,
и спою с ними вместе,
нам вместе отлично поется.
И зайду я в аул, в старый дом моей мамы седой,
и заплачем мы вместе, припомнив погибшего брата.
И, оставшись один, в темноте непроглядной ночной,
вспомню вдруг о стихах,
что впервые писал я когда-то.

Я ли их написал?

Или кем-то напеты они?

Было, кажется, все в те далекие годы иное.

Были сказок полны облака, и волны, и огни.

Каждый камень в ущельях беседовал молча со мною.

Добрый вестник погоды,

мерцающих трав и тепла —
поднималась коромыслом радуга в мощном
размахе.

Маки горные в скалах качались, как колокола,

колокольчики в школах звенели, как горные маки.

По лощинам козлята носились, как белые ручейки,

Ручейки осыпались по кручам, как будто козлята.

И цветы на лугах вырывались из-под руки...

Так я жил и учился в родимом ауле когда-то.

И, проснувшись однажды, стихи записал я в тетрадь.

С той поры и живу, ощущая всечасно горенье.

Вот закончу одно, отшлифую его и опять

начинаю обдумывать стихотворенье.

Каждый раз, будто в первый...

Я сам уже немолодой.

Слышу чаще и чаще, что стою я званья поэта.

Потому и спешу

в старый дом моей мамы седой,

к людям тем, у которых начало

и света,

и цвета.

ОЖИДАНИЕ

1

Я волнуюсь перед окончанием дня
так же горько и страстно,

как я волновался вначале:

дорогая моя

навестит ли сегодня меня?

А когда навестит — то обрадует иль опечалит?

Иль, придя, преспокойно усядется передо мной,

притворясь, будто знает меня и не знает.

Не согреться под взглядом ее,

как в горах под холодной луной,

где хрустит под ногами планеты кора ледяная.

Посидит и уйдет.

И оставит меня одного.

Да, оставит, как лед,

не успевший под солнцем растаять.

Посидит и уйдет, не забыв у меня ничего.

Словно не приходила — так твердо и прочно

оставит.

Ну, а может, влетит, будто птица,

вспугнув тишину,

чистым взглядом подарит —

и станет в груди моей тесно.

Тихо к ней подойду.

И улыбку улыбке верну.

Будто хрупкое чудо — сведу в осторожное кресло.

Я волнуюсь перед окончанием дня

и ловлю, будто весточку я,

ветерка дуновенье.

Дорогая моя!

Навести в этом мире меня.

Приходи хоть на час.

На минуту приди.

На мгновенье.

2

Не пришла.

Не пришла.

Не пришла.

Не пришла ты.

Стал я бедным в любви — мне хотелось
побыть в ней

богатым.

Одиноким я стал.

И ненужным я стал.

И угрюмым.

Не стучитесь отныне ко мне, белоснежные думы.

Ожидания сердца замрите.

Исчезните вспышки и звуки.

Не тянитесь к перу вы, к работе привыкшие руки.

Осыпайтесь деревья,

во мгле догорайте закаты.

Не пришла.

Не пришла.

Не пришла ты.

Я тебя ожидал.

Твоего мне хотелось прихода,
как иссохшей земле ожидалось дождя с
небосвода.

И когда в коридоре шаги вдалеке
раздавались —

в моем сердце глаза твои, будто огни
разгорались.

Я хотел бы писать

растворенными в счастье лучами.

